

"Лев Толстой и время" 2010

Издательство Томского Университета

Редакторы: Э.М. Жилыкова, И.Ф. Гнюсова

Стр. 154-69.

Категория смерти у Толстого и Хайдеггера

Завалий Андрей Геннадьевич

American University of Kuwait

Так называемая "проблема смерти," как она представляется обыденному сознанию, складывается из двух составляющих её неизвестностей. Во-первых, это неизвестность *хронологическая*. Неотрицаемая неизбежность будущего события собственной смерти всегда соседствует с загадкой его точных временных координат. Действительно, как заметил Воланд, тот казус, что человек иногда *внезапно* смертен гораздо проблематичнее простой данности всеобщей людской смертности. Во-вторых, это неизвестность *смысловая*. Событие смерти предстает непонятным не только в аспекте своего "когда", но главным образом в аспекте своего "зачем" или "почему". Почему должен наступить конец моего существования? В чем моя провинность, предопределившая смертельный исход? Очевидно, что в данном случае указание на эмпирический факт конечности всего живого в мире не может быть адекватным ответом на глубоко личное вопрошание о причине и смысле неизбежного прерывания жизни. Ведь когда писатель или философ спрашивает о причине смерти, то это, разумеется, совсем не тот вопрос, на который пытается ответить патологоанатом.

Событие собственной смерти человека уникально прежде всего тем, что в нём полностью отсутствует какое-либо феноменологическое содержание. О нём нельзя сказать ничего определенного, оно выскальзывает из попыток схватить его суть языковыми средствами. Смерть, как она есть сама по себе для конкретного человека, никогда не *переживается* самим умирающим, и очевидно находится за границей того, о чем можно осмысленно рассуждать. Словами Бродского, «смерть - это то, что бывает с другими». С другой стороны, всегда можно говорить о смерти приключившейся с близкими и о том, как этот случай воспринимается;¹ можно многое сказать о страхе смерти, свойственном живым; можно обсуждать различные представления о смерти бытующие опять-таки среди живых

¹ А воспринимается событие смерти другого, неблизкого человека зачастую как нечто постыдное. Ср. Хайдеггер: «Ведь видят же в умирании других публичное неприличие, если не прямо бестактность, от которой публичность должна быть охранена» («Бытие и время», пер. В. В. Библихина, Ad Marginem, М., 1997. С. 254). Ср. также замечание, читаемое на лице Шварца, сослуживца Ивана Ильича: "Глупо распорядился Иван Ильич; то ли дело мы с вами" («Смерть Ивана Ильича», Повести и рассказы, ЭКСМО, М., 2006. С. 450).

людей. Разговор о смерти всегда возвращает к разговору "не о том", то есть, о жизни и о живущих. Но в этом не надо видеть сознательного увливания от заявленной темы. Скорее, в этом особенность самой темы смерти – она может приоткрыться только через рассматривание своей бытийной противоположности.¹

Вопрос о смысле смерти взаимосвязан с вопросом о смысле жизни. Но то, насколько они взаимосвязаны и каким именно образом как раз и предстоит прояснить, обращаясь к двум мыслителям, Льву Толстому и Мартину Хайдеггеру, для которых категория смерти во многом была в центре размышлений о человеке и его природе. Нас интересует, как оба мыслителя понимают смысл человеческой смертности, значение этого факта для повседневной жизни, в чём состоит *правильное* отношение к своей временной ограниченности, и какие практические выводы из этого должны последовать. Ниже я вкратце обрисую основные точки соприкосновения между Толстым и Хайдеггером в вопросе отношения к смерти, а также остановлюсь на принципиально различных «решениях» этой проблемы. В конце статьи делается попытка оценить усилия двух философов в этом направлении используя в качестве оценочных стандартов требования практичности и полноты охвата темы, вытекающие, как мне видится, из самой постановки проблемы смерти.

Формальной точкой соприкосновения Хайдеггера и Толстого можно считать краткую ссылку на рассказ «Смерть Ивана Ильича» в главном философском труде Хайдеггера, «Бытие и время». Хайдеггер отсылает читателя к истории Ивана Ильича для иллюстрации драматического перехода от безличного отношения к смерти как к тому, что иногда случается с окружающими, то есть, как к самоочевидной посылке известного силлогизма («все люди смертны»), к переживанию наступающей смерти как непосредственно затрагивающей самые глубокие пласты собственного "я". Словами Хайдеггера, Толстой «изобразил феномен потрясения и провала этого "все люди умирают"».² Переход от «все люди умирают» к «я умираю», как мы помним, совершался для Ивана Ильича особенно мучительно. Простейшая логическая операция – выведение частного утверждения из всеобщей посылки оказывается почти непосильной задачей, когда дело касается собственной жизни.

Но известная история Ивана Ильича может служить иллюстрацией и к другим особенностям феномена умирания. По Хайдеггеру, смерть как событие прежде всего

¹ К. Г. Исупов указал на эту особенность "вопроса о смерти" в своем обзоре традиции философской танатологии в России: "Танатология – это наука без объекта и без специального языка описания; ее терминологический антураж лишен направленной спецификации: слово о смерти есть слово о жизни, выводы строятся вне первоначального логического топоса проблемы, - в плане виталистического умозаключения, в контексте неизбежаемой жизненности." ("Русская философская танатология," *Вопросы философии*, № 3, 1994. С. 108).

² «Бытие и время», С. 254.

уникально тем, что его нельзя испытать «за компанию»: "*Никто не может снять с другого его умирание*".¹ Надвигающаяся смерть обрекает на одиночество – распадаются все связи с миром людей, вещей и интересов. Она исключает всякую солидарность и любое утешение – впервые человек остается наедине с самим собой, и только с самим собой. Хайдеггер называет это «предстоянием себе».² Уже нет возможности потерять себя в заботах о внешнем, и раствориться в безличном море «людей» (*das Man*).³ Для Хайдеггера, такое радикальное обособление от всего внешнего это первый шаг на пути к тому, что он называет *подлинным* пониманием своей смертности. Похожим образом, одиночество Ивана Ильича, по словам Толстого, было "полнее которого ни могло быть нигде: ни на дне моря, ни в земле".⁴ Но только в этом состоянии абсолютной оставленности, как мы помним, Иван Ильич впервые начинает важный разговор с самим собой – о том, какова была его жизнь и правильно ли он прожил её – т.е., тот разговор, который для самого Толстого (в «Исповеди») был таким непростым и изматывающим.

Для сравнительного анализа необходимо подробнее охарактеризовать Хайдеггеровский подход к проблеме смерти в целом. Начинать с Хайдеггера сравнительно легче, так как, в отличие от Толстого, чьи взгляды на проблему смерти претерпевали существенную эволюцию с возрастом и отрывочно выражены в разных произведениях и дневниковых записях, философия смерти Хайдеггера изложена систематически и наиболее полно только в его раннем труде, «Бытие и время» (1927), после чего эта тема потеряла для него актуальность. В последующие пятьдесят лет своей жизни Хайдеггер не скажет ничего нового о смерти, как если бы всё, что можно было сказать о ней, было уже высказано в его главной работе.

Первое, что бросается в глаза, это то, что в «Бытии и времени» смерть человека (*Dasein*) переносится из будущего времени, своего традиционного времяположения, в настоящее. Для Хайдеггера, смерть это всегда присутствующая данность – она есть в каждом мгновении в качестве пока нереализованной, но все же неотвратимой, структурной возможности. Человек живет со смертью бок о бок, вся его жизнь это всего лишь «бытие-к-смерти» («*Sein zum Tode*»). Далее, Хайдеггер предлагает рассматривать феномен смерти без опоры на знакомые аналогии (смерть как «переход», как «экзамен», как «подведение итогов», как «сон», и т. д.). Начальная точка здесь – признание уникальности феномена смерти и принципиальной ущербности всех попыток понять ее по сравнению с чем-то уже

¹ Там же. С. 240.

² «Со смертью присутствие стоит перед собой в его *самой своей* способности быть [...] Так предстоя себе, все связи с другим присутствием в нём распались» ("Бытие и время". С. 250).

³ *Das Man* – безличное большинство, в котором растворяется индивидуальность. Важная категория в философии Хайдеггера.

⁴ «Смерть Ивана Ильича». С. 488.

известным. Подведение смерти под знакомые категории играет, конечно, свою психологическую роль в одомашивании этого события, устранения страха перед непонятым, но ни в коем случае не приближает к ее пониманию. Прежде всего надо увидеть, что для человеческой экзистенции главным является факт ее временной *ограниченности*, тогда как сам момент «испускания духа» с феноменологической точки зрения никакого значения не имеет. Момент умирания – это тот математический предел, к которому всегда стремится кривая, но которого в реальности никогда не достигает. А ограниченность всегда с нами. В каждом решении, в каждом поступке, в каждом осознанном действии человека – просматривается факт его временной ограниченности. Более того, этот факт незаметно, но настойчиво определяет то, как ведет себя человек. Человеку свойственно делать планы на будущее – поступить учиться, жениться, найти работу, родить детей. Фоном для всех этих планов выступают жесткие временные рамки – «я должен поступить в университет в ближайшем будущем – потому что потом будет *поздно*», и т.д. Осознание того, что что-то нужно сделать сейчас или скоро, потому что откладывать нельзя, возможно только при подсознательном понимании ограниченности во времени, т.е., в конечном итоге, своей смертности. Этого нет у животных, и этого ещё нет у детей – дети поистине бессмертны – им свойственно круговое, а не линейное понимание времени. Именно поэтому Хайдеггер заключает, что предмет исследования, смерть, нужно искать не в будущем времени, а в настоящем. Смерть, как ограниченность, всегда присутствует здесь и сейчас как обратная сторона жизни.¹

Смерть у Хайдеггера играет ключевую роль в структуре самой человеческой экзистенции, охарактеризованной им как «забота» (*Sorge*). По словам Лифинцевой, смерть у Хайдеггера «довершает до целого неизбывную «нецелостность», «недовершенность» человеческого существования».² То есть, с физической кончиной человек исчерпывает весь спектр своих возможностей, и завершает свое бытие-к-смерти. Но Хайдеггер вводит важное нормативное измерение в проблему смерти, когда различает *подлинное* (аутентичное [*eigentlich*]) и *неподлинное* (неаутентичное) отношение к своей смерти, очевидно, подразумевая, что подлинное отношение в некотором смысле предпочтительней. Отношение неподлинное (*uneigentlich*) характеризуется бегством от смерти (или, скорее, от мыслей о

¹ Строгое разделение между экзистенциально важным бытием-к-смерти и экзистенциально несущественным биологическим событием «летального исхода» позволяет Хайдеггеру уклониться от многих традиционных вопросов, и прежде всего, от вопроса о смысловой составляющей проблемы смерти: «Вне области экзистенциального анализа смерти стоит то, что могло бы подлежать разбору под титулом "метафизика смерти". Вопросы как и когда смерть "пришла в мир", какой "смысл" она может и должна иметь как зло и страдание в универсуме сущего, необходимо предполагают понимание не только бытийного характера смерти, но онтологии универсума сущего в целом и особенно онтологического прояснения зла и негативности вообще» ("Бытие и время". С. 248).

² Лифинцева Т. П. «Бульман и Гиллих: 'демифилогизация' и рецепция идей Хайдеггера», *Вопросы философии*, № 5, 2009. С. 174.

смерти), потеряй себя в сиюминутных делах и растворении в «людях». Подлинное существование к смерти, с другой стороны, предполагает принятие своей неизбежной ограниченности во времени, сознательный отказ от успокаивающих обманов и решительная открытость страху смерти (существование «решившееся на страх»). По сути, это призыв к тому, чтобы не увиливая и не прячась, открытой грудью встретить то, что нельзя ни избежать, ни преодолеть в борьбе. Как замечают многие исследователи (в частности Гайденко¹), здесь Хайдеггер со своим идеалом героической обреченности не чужд романтическому пессимизму Ницше, и очень многие качества «сверхчеловека» Ницше появляются в преобразованном виде и у Хайдеггера при его описании подлинной экзистенции. Заметим также, ярко выраженный культ индивидуальности скрытый в таком описании – проблема смерти решается на атомарном уровне отдельной личности; *другие* могут только отвлечь от главного, затушевать ужас (*Angst*) смерти, помешать подлинному восприятию своего бытия-к-смерти.

Но какие практические последствия вытекают из такого подхода? Одно из них лежит на поверхности: когда достигнуто безусловное понимание, что смерть – это не то, что случится *когда-то*, а скорее то, что уже происходит всякую минуту, исчезнет нужда чураться смерти как чего-то страшного и неведомого, т.е., прятаться от нее за занавесом повседневных дел и планов, которые мы с завидным упорством «вклиниваем» между настоящим моментом и будущим событием смерти. Это первый шаг к тому, чтобы принять смерть как свою *собственную* возможность, решиться на подлинное, отношение к факту своей смертности. С другой стороны, что «грозит» тем, у кого не достало решимости вырваться из образа жизни и мышления характерного для безликого большинства (*das Man*), и кто остался за рамками подлинной экзистенции? Хайдеггер дает понять, что разница между двумя категориями людей в конечном итоге не столь велика.² Речь, конечно же, не идет о некоем «спасении» или «погибели» в зависимости от правильного или неправильного понимания своей смертности. Здесь нет Толстовского пафоса, который характеризует жизнь Ивана Ильича, забывшего о смерти, как «самую ужасную» жизнь. В лучшем случае, человек решившийся на аутентичное отношение к своей конечности во времени избавлен от обмана, которым утешаются все остальные, он в большей степени открыт истине *Бытия* – главной

¹ См.: Гайденко П. П. «Время. Длительность. Вечность», Прогресс-Традиция, М., 2006.

² Разделение людей на две категории здесь достаточно условно. Любой человек хоть изредка оказывается перед лицом своей ограниченности, и сталкивается с ужасом смерти, переживает необъяснимый страх (*Angst*) перед пустотой впереди, тем самым открываясь возможности подлинного восприятия. С другой стороны, никто не находится в аутентичном отношении к своей смерти постоянно, но всегда скатывается в потерянность в «людях». Но это, хоть редко, но случающееся осознание своей смертности выводит жизни человека за рамки чистой биологии, и делает возможным биографию (историю).

категории всей Хайдеггеровской философии. Но и он в конечном итоге лишен права на надежду на нечто большее, на преодоление смерти в каком бы то ни было смысле.

Чтобы понять отношение к смерти Льва Толстого, недостаточно сослаться на определенную главу в каком-либо его произведении. В этом смысле, трудно говорить о цельной, законченной философии смерти у Толстого, мировоззренческие установки которого менялись в течении жизни достаточно сильно. Но некоторые этапы развития этого отношения можно и нужно отметить. Андреевский замечает интересную эволюцию в творчестве Толстого от некоторого поэтизирования смерти в более ранних произведениях (например, смерть, описанная в Севастопольских рассказах, и даже смерть Волконского в «Войне и мире»), к куда более мрачным картинам позднего периода, с кульминацией, пожалуй, в наиболее известном художественном произведении о смерти в мировой литературе, повести «Смерть Ивана Ильича». По поводу этой повести Андреевский пишет:

Смерть Ивана Ильича есть уже одна голая болезнь, одно безысходное мучение тела. Это мучение, подобно картинам ада на монастырских воротах, выведено с умыслом и с угрозой перед читателями для того, чтобы он устраивал свою жизнь, в ожидании подобного конца, не так мелко и поверхностно, как Иван Ильич.¹

Угроза, предупреждение действительно явственно чувствуются каждым читателем, и не только в этой повести. Нормативная составляющая проблемы смерти проявляется у Толстого гораздо более навязчиво, чем у Хайдеггера. В рассказе постоянно на заднем плане проскальзывает авторский дидактический рефрен: «Если бы он (Иван Ильич) всегда помнил о смерти, то все в его жизни было бы по-другому; не надо запускать до состояния Ивана Ильича – надо уже сейчас думать о конце.» Но необходимо понять, в чём состоит смысл этой угрозы. Что значит для Толстого (и Андреевского) помнить о смерти; что означает в практическом смысле следовать предписанию, начертанному на медальке Ивана Ильича, приобретенной им ещё в молодости - “*Respice finem!*”²

Классический древний совет «помни о смерти!» совсем не так ясен, как кажется на первый взгляд. Что значит помнить о смерти? Жить в постоянном страхе и унынии, быть придавленным идеей смерти? Пытаться отдалить этот момент насколько это возможно? Составлять завещание? Сравним совет: «Помни об инфекционных заболеваниях!» - здесь смысл увещания очевиден: будь осторожен, чтобы *избежать* заболеваний. Предполагается, что при соблюдении условий, их *можно* избежать. Не так со смертью, ведь её нельзя избежать. Что же делать? Приготовиться к ней? Но что значит быть готовым к

¹ Андреевский С. А. «Из мыслей о Льве Толстом». *Литературные очерки*. Тип.т-ва А.С.Суворина, СПб., 1913. С. 221.

² ‘Предвидь конец’ (лат.).

смерти? Готовиться можно к экзамену. Готовиться можно и нужно к тому, что можно *провалить*, если *не* готовиться.¹ Но смерть нельзя провалить. Равно удачно умирают и те, кто постоянно думают о ней, и те, кто никогда о ней не задумываются. Никто не скажет, что смерть самого Толстого, всю жизнь размышлявшем о ней и приготавливавшемся к ней,² была в каком либо смысле более успешная, чем смерть «неготового» ребенка.

Под готовностью к смерти зачастую понимают спокойное, бесстрастное принятие ее, создание определенного внутреннего настроя, того, что древние называли *ars moriendi*.³ Так Монтень, следуя духу Сенеки, дает подробную инструкцию как следует готовиться к смерти, признавая, что такая подготовка, тем не менее, не может избавить от самого события:

Так как от смерти ускользнуть невозможно, ибо она одинаково настигает беглеца, будь он плут или честный человек, давайте научимся встречать ее грудью и вступать с ней в единоборство. Чтобы отнять у нее главный козырь, лишим ее загадочности, присмотримся к ней, приучимся к ней, размышляя о ней чаще, нежели о чем либо другом. [...] Неизвестно, где поджидает нас смерть; так будем же ожидать ее всюду. Размышлять о смерти – значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом.⁴

Хорошо известно, насколько близки были «Опыты» Монтеня Толстому. Здесь Монтень определяет готовность к смерти как ясное осознание, что она может наступить в любой момент, и как внутреннее согласие «отдаться» ей без особых возражений, как только она приблизится. Более того, в этом видится путь к освобождению от некоей зависимости, т.е., надо полагать, к освобождению от пут страха смерти. Цель здесь, таким образом, не преодоление смерти, а преодоление страха перед смертью, и, главное, устранение эффекта неожиданности в ее наступлении. По сути, это попытка преодолеть проблему хронологической неизвестности своей смерти путем расширения ее временных координат от настоящего момента до неопределенного будущего. Смерть может настигнуть уже *сейчас*, следовательно, не стоит мучаться вопросом о ее точном времени наступления.⁵ Устраняет ли такой подход проблему временной неопределенности из проблемы смерти – вопрос спорный; но, очевидно, что смысловая составляющая этой проблемы здесь Монтенем даже не намечена. Вопрос о «почему» и «за что» смерти полностью вытесняется практическими

¹ В этом смысле предписание помнить о смерти обретает другое значение, если под смертью подразумевается *переход* в иное существование, где будет спрошено о том, *как ты прожил* эту жизнь. Только при такой метафизической посылке, вполне уместна аналогия смерти с завершением земного экзамена.

² Ср. дневниковую запись Толстого: «Постоянно готовишься умирать. Учишься получше умирать» (цит. по: Бунин И. А. «Освобождение Толстого», Собрание сочинений в 9-ти тт., т. 9; Художественная литература, М., 1967. С. 7.)

³ Искусство умирать (лат.)

⁴ Монтень, Мишель. «Опыты», пер. Бобовича, книга первая, Академия Наук СССР, М., 1958. С. 108-109.

⁵ Отметим разницу между отношением к смерти как к тому, что *может* наступить уже через секунду (но все же ещё *не* наступило), и Хайдеггеровской установкой на смерть как на то, что *уже* происходит в каждый момент.

советами по привыканию к мысли о неминуемой кончине. А значит простое следование совету «помни о смерти» само по себе не приближает к разрешению основной проблемы.

Толстой и Хайдеггер, несмотря на схожесть изначальных посылок, дают очень разные ответы на вопрос, что делать со знанием о собственной смертности. Если допустить определенное обобщение, то можно сказать, что для Толстого правильная реакция заключается прежде всего в жертвенной любви к другим – чем меньше человек занят своими интересами и удовольствиями, чем больше он растворяется в других, тем призрачней смерть. Только так смерть может утратить свою онтологическую субстанциональность. Для Ивана Ильича не стало ни смерти, ни боли ("вместо смерти был свет") только после того, как он впервые "пожалел" своего сына и жену, а значит, сумел забыть себя и свои заботы, и увидеть мир глазами, чувствами и переживаниями своих близких. Отрицание себя во имя других, по Толстому, это важный шаг на пути преодоления смерти. Физическая смерть все равно приходит для Ивана Ильича, но в этот момент происходит подмена понятий. Условно говоря, "духовная смерть", а именно, то состояние, в котором Иван Ильич пребывал задолго до своей болезни, упраздняется, и наступает смерть "физическая" – но она уже не имеет значения. Последние слова Ивана Ильича, "кончена смерть, её больше нет," очевидно относятся именно к смерти "духовной", которая понимается как длящийся процесс – ведь только протяженное во времени событие может быть *кончено*.

Напомним, что для Хайдеггера, с другой стороны, *аутентичное* отношение к смерти заключается в признании её теперешней реальности, в отказе от искусственных попыток оградить себя от страха смерти заботой о внутримирносущем (включая, надо полагать, и Толстовскую заботу о других людях), и в решительном осознании смерти как *своей* исключительной бытийной возможности. Здесь же нужно отметить и принципиальный отказ Хайдеггера вопрошать о смысле смерти помимо ее дискриптивной «жизнесобирающей» роли в посюстороннем бытии человека. Смысловая неизвестность смерти полностью отсутствует в сфере интересов Хайдеггера – но она, конечно же, есть у Толстого. Хайдеггеровский идеал – самостоятельный, свободный человек смело и решительно принимающий факт смертности, без всякой надежды на его упразднение. Толстовское растворение своей личности в любви к другим, для Хайдеггера не более чем уловка, признак отсутствия должного мужества перед экзистенциальным ужасом смерти.

Для Хайдеггера, смертность это оценочно-нейтральная данность, и задача здесь в решительном и осознанном принятии этой данности, овладении ею как своей подлинной бытийной возможностью. У Толстого же – смерть это очень часто *несправедливость*; то, что не должно случиться, но почему-то случается. Упрек на лице умершей «маленькой княгини»

Волконской¹ или рассуждения о несправедливости смерти героя рассказа «Записки сумасшедшего»² были бы совершенно непонятны для Хайдеггера. Как следствие, вопрос о посмертном существовании человека для Хайдеггера остается однозначно за рамками того, о чем можно рассуждать. Для Толстого, посмертное существование это, по крайней мере, одна из возможностей, даже если такое существование и не предполагает сохранения личностных, индивидуализирующих характеристик человека.³

Немногие мыслители обладали таким обостренным «чувством смерти», и таким пронизательным взглядом на проблему, как Толстой и Хайдеггер. И все же несмотря на близость фактических посылок, они во многом приходят к противоположным выводам, особенно в вопросе о правильной реакции человека на знание о своей смертности. Фундаментальное различие мировоззренческих установок Толстого и Хайдеггера, которые привели к столь различным трактовкам проблемы смерти, сводится так или иначе к вопросу о *праве собственности* на жизнь и на все составляющие её структурные моменты. Трудно не заметить избыточное количество терминов в тексте Хайдеггера так или иначе отсылающих к понятию полноправного и исключительного *владения*. Смерть характеризуется им как *наиболее своя* возможность, как возможность без-относительная (*unbeziehende*), т.е., неотчуждаемая, непередаваемая другому (опять-таки *самая* своя). Суть подлинного отношения к смерти состоит в *овладевании* этой возможностью, в том чтобы вырвать её из потерянности в «людях»; другими словами, изменить «юридический» статус смерти из нахождения в «общем пользовании» людей в состояние индивидуального обладания. Даже центральная нормативная категория Хайдеггера, «*подлинная (eigentlich) экзистенция*», этимологически восходит к прилагательному *eigen* – «собственный», «личного пользования». Подлинное бытие, таким образом, предполагает полновозрастное вхождение в права на владение своей жизнью и своей смертью.

Ярко выраженный пафос собственности у Хайдеггера резко контрастирует с отношением к жизни, которое мы находим в произведениях и дневниках Толстого. Для Толстого, жизнь это прежде всего то, что необходимо отдать другому, растратить в жертвенном служении людям. Наиболее готов к встрече со смертью человек более других

¹ "Я вас всех любила и никому дурного не делала, и что вы со мной сделали? Ах, что и за что вы это со мной сделали?" («Война и мир», в 4 тт., Художественная литература, М., 1968. С. 45-46). По замечанию Бунина, описание смерти княгини – это «предел человеческой печали и нежности к безвинным жертвам смерти» («Освобождение Толстого». С. 150).

² «Смерть придет, она – вот она, а ее не должно быть... Я не боялся, а видел, чувствовал, что смерть наступает, а вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздиранье было ужасное... Ничего нет в жизни, есть только смерть, а ее не должно быть» (Собр. соч. в 22-х тт., т. 12, Художественная литература, М., 1978. С. 47).

³ Взгляды Толстого на посмертное существование души человека более близки Буддистскому учению о слиянии индивидуальной личности после уничтожения тела с безличным Бытием, Мировым Духом, Абсолютной Реальностью и т.п. Нет достаточных оснований приписывать Толстому веру в бессмертие личностной души в его традиционном, христианском понимании.

избавившийся от личных привязанностей и интересов, от жизни *для себя*.¹ Толстого часто преследует острое чувство вины – он пользуется теми благами, которых он *не* заслужил, которые по праву ему *не* принадлежат. У него нет и намека на утверждение своего права собственности на жизнь и на всё, что она включает. Напротив, есть призыв отказаться от этой как бы случайно доставшейся ценности, есть понимание необходимости употребить её на пользу неэгоистических интересов, признать окончательное право на неё за кем-то другим. Жизнь доверена нам, мы всего лишь временно распоряжаемся ей, и забывать об этом, значит узурпировать чужие полномочия. Поэтому если для Хайдеггера «собственническое» отношение к жизни включает в себя и овладение смертью, как своей законной принадлежностью, и таким образом, предполагает отношение к смерти как к наиболее реальному, всегда присутствующему в жизни феномену, для Толстого отрицание прав владения на свою жизнь приводит к отрицанию, в конечном итоге, и значимости смерти. Смерть лишает человека того, что ему никогда и не принадлежало в полной мере. Более того, физическая смерть всего лишь завершает процесс отдавания себя другому, но не является чем-то сущностно иным для рачительно *прожитой* жизни.

Что можно избрать критерием успеха предложенной тем или иным мыслителем танатологии? Можно указать на несколько необходимых условий для любого рассуждения о смерти, выходящего за рамки рассмотрения её биологических причин. Во-первых, вопрос о смерти должен быть адекватно поставлен и сформулирован именно как философская проблема. Во-вторых, должен быть намечен путь решения этой проблемы, т.е. тот метафизический или религиозный контекст, в котором только и возможно осмысленное обсуждение этой темы. И, наконец, должны быть обозначены практические последствия принятия предложенного решения для конкретного человека. Только если согласиться на эти условия как на необходимый минимум для сравнительного анализа, имеет смысл спрашивать насколько жизнеспособный взгляд на проблему смерти предложил Толстой или Хайдеггер.

Адекватно поставить вопрос о проблеме смерти значит, по крайней мере, задеть обе её составляющие – хронологическую и смысловую неизвестности. И здесь к Хайдеггеру можно предъявить обоснованные претензии. Для Хайдеггера вопрос о смерти в обыденном понимании этого феномена это прежде всего *отложенный* вопрос. Долго и детально описывает Хайдеггер ту роль, которую знание о собственной смертности играет в жизни человека, все последствия этого знания и феноменологическую составляющую самого процесса умирания. Касается он и вопроса о том, как должно воспринимать свою

¹ Логическим продолжением здесь выступает учение, близкое Толстому, о полном растворении в безличном Абсолюте уже после смерти.

конечность, и что значит «прятаться» от смерти в «людях», скрывать ее от себя за ширмой сиюминутных дел и долгосрочных планов. Но как только Хайдеггер подходит к тому, что собственно и является *главной* загадкой смерти (а именно, смысл смерти и страдания вообще, очевидная несправедливость смерти, возможность посмертного существования, и т.д.), он неизменно откладывает эту тему на потом – после того как «онтологическая сущность смерти» будет достаточно прояснена. Вот пример типичной реакции на «традиционный» вопрос о возможности потусторонней жизни: «Со смыслом и по праву хотя бы методически надежно спросить, что будет после смерти, можно только тогда, когда она охвачена в своем полном онтологическом существе».¹ Или ещё загадочней: «Вопросы как и когда смерть "пришла в мир", какой "смысл" она может и должна иметь как зло и страдание в универсуме сущего, необходимо предполагают понимание не только бытийного характера смерти, но онтологии универсума сущего в целом и особенно онтологического прояснения зла и негативности вообще».² Иными словами, прежде чем человек может задаться вопросом о смысле страдания, он должен выработать законченную онтологию «универсума сущего в целом», или, ни много, ни мало, философию, охватывающую и объясняющую все то, что существует во вселенной.

Но это «потом» никогда не наступает. То, что Хайдеггер именует «онтологической сущностью смерти», или «бытийным характером смерти», или «онтологией универсума сущего» - всё это оказывается неисчерпаемой темой. Хайдеггер заранее огородил себя от опасности остаться один на один с главным вопросом. Таким образом, можно сказать, что решение проблемы смерти в интересующем нас смысле у Хайдеггера даже не намечено – он слишком занят предварительной подготовкой к постановке самого вопроса. Центральное понятие в танатологии Хайдеггера – бытие-к-смерти – на поверку оказывается теоретической конструкцией без практических последствий. Признать, что мы все существуем в условиях временной ограниченности, более того, в условиях постоянно сужающегося временного пространства (и в этом смысле мы бытийствуем *по направлению* к смерти как конечной точке, что окончательно лишает нас всех возможностей выбора) – значит признать более или менее очевидное. Кроме терминологии, здесь мало нового. Ещё Монтень заметил за несколько веков до этого: "Непрерывное занятие всей вашей жизни – это возвращать смерть. Пребывая в жизни, вы пребываете в смерти, ибо смерть отстанет от вас не раньше, чем вы покинете жизнь".³ Вопрос *почему* мы существуем в таких рамках, и в чем высший смысл этого драматического убывания возможностей для жизненного выбора остается в философии Хайдеггера незадаанным.

¹ «Бытие и время». С. 247-48.

² Там же.

³ Монтень М. «Опыты». С. 117.

Читать Толстого в этом смысле приятней – он не прячется от самого важного и трудного за завесой философских конструкций. Отношение к смерти у Толстого куда более искреннее и прямое, чем у Хайдеггера. Если Хайдеггер предпочитает под разными предлогами избегать разговора о смысловой составляющей проблемы смерти, то Толстой готов это обсуждать вполне открыто.

Но несмотря на готовность к самым трудным темам и на все интеллектуальные усилия, можно сказать, что вопрос о смерти предстает Толстому в конце концов как принципиально *неразрешимый* вопрос; по крайней мере, неразрешимый на уровне рационального познания.¹ Вспомним это исключительное по воздействию признание бессилия разума перед загадкой смерти в его коротком, почти репортажном описании смерти брата: "Умный, добрый, серьезный человек, он заболел молодым, страдал более года и мучительно умер, не понимая зачем он жил, и ещё менее понимая, зачем он умирает. Никакие теории ничего не могли ответить на эти вопросы ни мне, ни ему во время его медленного и мучительного умирания".² У Толстого есть указание на то, как избежать страха смерти, есть предписание всегда помнить о смерти, по сути отсылающие к Монтеню и древним мудрецам, есть подробные сцены умирания разных людей и удивительно пронизательные описания психологического состояния умирающего. Но вместо разрешения смысловой составляющей проблемы смерти мы находим только откровенное признание своей интеллектуальной недостаточности, чтобы до конца понять, а значит и оправдать существующий миропорядок.

Отрицание реальности смерти, свойственное позднему Толстому, это производное от осознания неразрешимости проблемы с помощью разума. В этой связи показательное воспоминание Ивана Бунина о его прогулке с Толстым за несколько лет до кончины писателя: «Мы бежали наискось по снежному Девичьему Полю, он [Толстой] прыгал через канавы, так что я едва поспевал за ним, и опять говорил – отрывисто, строго, резко: ‘Смерти нету! Смерти нету!’».³ Отрицание смерти, сведение её к иллюзии, видится в этом контексте как победа над ней, как искомое преодоление силы смерти. Правда, это совсем не то отрицание смерти, которое было у богатой дамы в рассказе «Три смерти» или у Ивана Ильича в самом начале его болезни. Самообман смертельно больной дамы, слепо верящей, что поездка в Италию её исцелит, или вера Ивана Ильича в силу медицины в начале своего недуга – это бесплодная попытка скрыть от себя своё самое важное человеческое качество –

¹ «Все отвлеченные вопросы о назначении человека, о будущей жизни, о бессмертии души, уже представлялись мне; и детский слабый ум мой со всем жаром неопытности старался уяснить те вопросы, предложение которых составляет высшую ступень, до которой может достигнуть ум человека, *но разрешение которых не дано ему...*» (цит. по: Бунин И. А. «Освобождение Толстого». С. 140).

² Толстой Л. Н. «Исповедь», Крейцера соната, ЭКСМО, М., 2006. С. 488.

³ Цит. по: Бунин И. А. «Освобождение Толстого». С. 61.

смертность. Это как раз то, что Хайдеггер охарактеризовал бы как неподлинное, ложное отношение к своей смерти, и с чем несомненно согласился бы и русский писатель. Отрицание смерти у позднего Толстого это нечто иное – оно происходит из особо остро ощущаемой *реальности* кончины с одной стороны, и невозможностью объяснить или понять эту реальность несмотря на все усилия – с другой. И чтобы иметь право сказать это Толстовское «Смерти нету!», нужно прежде пройти через искушения дать слишком легкий ответ на вопрос о смерти, через соблазн простых решений, попыток одомашнить и заговорить то предстоящее каждому событие, которое, по убеждению Толстого, для человека «значительнее всего в мире»¹.

¹ «Исповедь». С. 491.